Берлинский приют казанского профессора А. А. Овчинникова

Надгробие А. А. Овчинникова и А. А. Овчинниковой.

В северо-западном округе Берлина Райникендорф есть район Тегель[1]. Прежде всего он ассоциируется с одноименным замком — родовым владением братьев Александра и Вильгельма фон Гумбольдтов, местом встреч интеллектуальной элиты Берлина. Другая достопримечательность этой лесистой местности — красивейшее озеро Тегель с видом на полуостров, на котором расположена вилла Борзиг с парком. Однако уже в начале XX в. Тегель был важным деловым и промышленным районом. Кроме того, недалеко от современного аэропорта Тегеля «Отто Лилиенталь» в 1909 г. приземлился на своем аппарате знаменитый конструктор дирижаблей граф Ф. Цеппелин, а в 1930-е гг. здесь проводились испытания ракет.

В истории Тегеля есть и мрачные страницы. С конца XIX в. здесь находилось учреждение исполнения наказаний министерства юстиции, а после 1933 г. в нем содержались арестованные члены коммунистической и социалистической партий Германии. В расположенной в Тегеле следственной тюрьме вермахта были заключены участники заговора 20 июля 1944 г.

В центре района Тегель на Виттештрассе в 1893-1894 гг. для нужд русской общины Берлина по инициативе настоятеля Свято-Владимирской церкви при российском посольстве, протоиерея А. П. Мальцева было создано православное русское кладбище. С соизволения императора Александра III из 50 регионов России в Берлин в железнодорожных вагонах было доставлено 40 тонн российской земли*, покрывшей

* Некоторые немецкие источники указывают цифру 4 тысячи тонн.

два гектара территории этого небольшого кладбища. По некоторым сведениям, из России были привезены и саженцы деревьев, высаженные на погосте. Берлинский архитектор Альберт Блом, ориентируясь на старинные русские образцы, построил в центре кладбища из желтого обожженного кирпича небольшую красивую церковь Св. Константина и Елены, увенчанную голубым шатровым куполом. На этом кладбище были перезахоронены некоторые знаменитые россияне, скончавшиеся в Берлине и покоившиеся на других берлинских погостах. Например, умерший в 1857 г. композитор Михаил Глинка. Сейчас на Тегельском кладбище остался только его кенотаф, останки композитора перевезены и захоронены в Санкт-Петербурге.

В декабре 1898 г. напротив входа на кладбище, через дорогу был построен большой и красивый двухэтажный каменный особняк, окруженный цветниками и огородом, — «Keiser Alexander Heim» (дом им. императора Александра, в память Александра III), называвшийся эмигрантами чаще «Александерхайм» или «Русский дом». Этот дом стал убежищем для русских эмигрантов, в котором они могли найти временный приют и даже заработок, если могли работать в саду или в огороде. Александерхайм стал для русских и своеобразным культурным центром с собственной библиотекой (книги по богословию и литературе на русском и немецком языке) и даже музеем, созданным на рубеже XIX-XX вв. Правда, музей и библиотека сильно пострадали в годы Первой мировой войны от солдатского постоя. К сожалению, Русского дома сегодня более не существует, он был разрушен в 1975 г., так как мешал индустриальному строительству.

Приход и кладбище Тегеля пережили разные времена. Число прихожан резко сокращалось в годы Первой и Второй мировых войн, увеличение прослеживается только в 1920-е гг. в связи с эмиграцией из Советской России. В 1938 г. община Тегеля насчитывала лишь 135 прихожан. После окончания Второй мировой войны район Тегель, как и округ Райникендорф в целом, оказался во французской зоне оккупации Западного Берлина, это во многом способствовало сохранению эмигрантской православной общины.

Церковь Св. Константина и Елены.

В числе российских эмигрантов, наводнивших в 1920-е гг. германскую столицу, оказались многие представители духовной и интеллектуальной элиты страны, высланные Советской властью на так называемых «философских» пароходах. Известно и то, что, наряду со столичной — московской и петроградской — интеллигенцией, в Германию были высланы и ученые из провинции — Харькова, Ярославля, Одессы и др.

Среди изгнанников были три профессора Казанского университета: бывшие заместитель декана исторического факультета Иринарх Аркадьевич Стратонов, декан медицинского факультета и руководитель психиатрической клиники Григорий Яковлевич Трошин и ректор университета Александр Александрович Овчинников. Имена этих известных в России и за ее пределами ученых были преданы забвению, причем настолько основательно, что даже в одном из юбилейных изданий 2004 г., в летописи Казанского университета А. А. Овчинников — ректор и ординарный профессор — значится как «экстраординарный профессор,

и. о. профессора, псаломщик университетской церкви»[2]. В сообщении об его избрании ректором используется раскавыченная тенденциозная цитата советского документа из книги М. К. Корбута с характеристикой А. А. Овчинникова как человека определенно антисоветского направления, «сочетавшего... преподавание статистики с исполнением обязанностей псаломщика в клинической церкви»[3]. А. А. Овчинников, выходец из семьи священников, действительно был человеком очень религиозным, активно участвовавшим в деятельности церковного прихода и в церковных службах. Но служение в церкви было лишь деталью его частной жизни, а никак не официальной должностью, как пытались это подать советские официальные власти 1920-х гг.

Надгробие писателя В. Д. Набокова.

Многие моменты «эмигрантской» биографии высланных казанских профессоров неизвестны до сих пор, как неизвестны, например, точная дата смерти и место захоронения И. А. Стратонова. Иринарх Аркадьевич Стратонов[4] жил в Берлине, читал лекции в Русском научном институте (создан в 1923 г. учеными-эмигрантами, действовал до 1933 г.). После прихода к власти в Германии нацистов и закрытия института он стал работать управляющим у состоятельной вдовы русской эмигрантки Марии Семеновны Кадакас, урожденной Араловой. В ноябре 1938 г. Стратонов был арестован органами гестапо и посажен в тюрьму, в которой провел семь месяцев. Его подозревали в шпионаже в пользу СССР. Поводом для подозрений стало то обстоятельство, что И. А. Стратонов упорно продолжал сохранять советский паспорт и категорически отказывался принимать немецкое подданство. В конце мая 1939 г. гестапо отпустило Стратонова, предварительно взяв с него подписку о том, что он покинет Германию. В июне 1939 г. Иринарх Аркадьевич выехал во Францию. Читал лекции в Париже, был активным прихожанином патриаршей церкви. Однако в 1942 г. вновь был арестован органами гестапо, теперь его обвиняли не только в сохранении советского паспорта, но и в помощи советским пленным. Староста патриарших приходов Парижа профессор И. А. Стратонов организовывал сбор денег, одежды, лекарств для пленных соотечественников. Он был отправлен в концентрационный лагерь, где, видимо, погиб весной 1945 г. Последнее письмо от отца из концлагеря г. Раненбурга дочь И. А. Стратонова получила в марте 1945 г.

Врач-психиатр, невропатолог, психолог Григорий Яковлевич Трошин[5] после высылки жил в Чехословакии, в Праге. Он преподавал в Карловом университете, работал на кафедре судебной медицины и психиатрии Русского юридического факультета, кафедре педологии Русского педагогического института им. Я. А. Коменского, являлся членом редколлегии журнала «Русский врач в Чехословакии», работал также врачом Российского общества Красного Креста, помогая соотечественникам-эмигрантам. Он был руководителем психотехнического обследования, проводившегося в русских гимназиях Чехословакии. С 1927 по 1938 г. возглавлял Союз русских врачей Чехословакии. Г. Я. Трошин продолжал и научные изыскания, опубликовав целый ряд работ по психиатрии и психологии. Его многотомное «Руководство по психиатрии для студентов и врачей» так и осталось незаконченным. Скончался профессор Г. Я. Трошин 13 марта 1938 г. и был похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Немного было известно и о зарубежных годах жизни профессора А. А. Овчинникова[6]: жил в Берлине, как и И. А. Стратонов, работал в Русском научном институте, состоял в Русском академическом союзе, по некоторым сведениям, участвовал в службах в русской церкви в Берлине. Из сообщения единственной русской эмигрантской газеты «Новое слово», выходившей в годы нацизма в Берлине, следует, что А. А. Овчинников умер в середине сентября 1936 г. и 18 сентября был погребен на русском православном кладбище в Тегеле. Иных сведений об обстоятельствах жизни и дне смерти А. А. Овчинникова известно не было.

Казанские архивы сохранили только одну фотографию профессора, найденную и впервые опубликованную нами в 1996 г.[7], — фотографию 19-летнего юноши, поступающего в университет. Именно этот юный лик украшает ректорскую галерею Казанского университета сегодня. Попытки разыскать позднее фото пока остаются безуспешными.

Надгробие генерала К. В. Сахарова.

Недавно моим поискам деталей биографии бывшего ректора поспособствовали два события. Одно из них — письмо из Москвы дальнего родственника второй жены А. А. Овчинникова кандидата медицинских наук Георгия Федоровича Добровольского, активно занимающегося генеалогией семьи. В письме шла речь о недавно вышедшем двухтомнике переписки падчерицы А. А. Овчинникова Ольги Александровны Бредиус-Субботиной со знаменитым русским писателем И. С. Шмелевым[8] (их многолетний роман в письмах, начавшийся в 1939 г. и окончившийся со смертью писателя в 1950 г., заслуживает отдельного рассказа). В письмах О. Бредиус-Субботиной есть множество отрывочных сведений и воспоминаний об отчиме, единственном претенденте на руку ее овдовевшей красавицы-матери, которого Ольга Субботина, судя по письмам и признаниям, «любила и жалела»[9]. Эти сведения дополняют наши представления о последних, весьма драматических годах профессора А. А. Овчинникова в России и в Берлине, а также рисуют живой человеческий портрет ученого.

Первый брак А. А. Овчинникова с Софьей Павловной Кибардиной распался. В 1920 г., за два года до эмиграции, он женился на вдове настоятеля церкви при Казанском Родионовском институте Александре Александровне Субботиной, урожденной Груздевой, заменив отца двум ее детям — 16-летней Ольге и 14-летнему Сергею. Следующие два года обернулись страшной трагедией для А. А. Овчинникова и его близких. В условиях голода 1921 г. умерла от холеры бывшая жена Овчинникова Софья Павловна и от тифа — его единственная 20-летняя дочь Вера. «Как умирала Верочка! — с содроганием вспоминала 20 лет спустя Ольга Бредиус-Субботина. — Она была душой с отцом и нами»[10]. Вслед за этим тифом заболела Александра Александровна Субботина, а сам А. А. Овчинников и падчерица — малярией.

С трудом оправившись, супруги Овчинниковы уехали в деревню к матери профессора. Однако над тогда уже избранным ректором Овчинниковым сгущались тучи. Его кандидатура по всем параметрам не устраивала Наркомат просвещения Татарской республики, но все попытки снять его с должности не были поддержаны Советом

университета. Власти пытались найти компромат на профессора. Так, в отсутствие А. А. Овчинникова и его супруги (дома были только дети с прислугой) в их доме на Госпитальной улице был произведен обыск, длившийся с часу ночи до семи утра. Вернувшийся Овчинников был вынужден уехать вновь и провел часть осени в Костромской губернии у родственников жены. Попытки сместить его с поста ректора были возобновлены в декабре 1921 г., когда на общестуденческом собрании университета ректором был избран Н. Н. Парфентьев, вслед за чем в феврале его кандидатура была утверждена Главпрофобромом. Однако Н. Н. Парфентьев отказался от такого сомнительного ректорства, и А. А. Овчинников вплоть до августа 1922 г. оставался ректором Казанского университета.

Надгробие А. В. Кривошеина.

Обстоятельства и причины высылки казанских ученых подробно освещены нами в ряде публикаций и нет необходимости останавливаться на этом. В сентябре 1922 г. А. А. Овчинников навсегда покинул Казань и Россию. Его семья уехала вслед за ним на следующий год. Их новым домом стал Берлин, точнее, Тегель.

Семья бывшего ректора Казанского университета поселилась в Русском доме напротив православной церкви и кладбища Тегеля. Александр Александрович преподавал в Русском научном институте, его супруга Александра Александровна зарабатывала шитьем, дети учились, причем Ольга некоторое время училась в том же институте, где преподавал отчим, но затем окончила медицинские курсы и работала лаборантом в клинике «Charite».

Взаимоотношения А. А. Овчинникова с приемными детьми много говорят о качествах его как личности. Отметим, что ставшие взрослыми и самостоятельными дети вплоть до смерти отчима в 1936 г. (Ольге было в ту пору 32 года, Сергею — 30) не спешили уйти из дома, в котором их любили и заботились о них. Судя по воспоминаниям падчерицы, Александр Александрович был заботливым и внимательным к приемным детям человеком. Он был очень гостеприимен, принимал в берлинском доме большое количество самых разнообразных гостей (среди них был, к примеру, известный дипломат Дж. Кеннан). Страстный любитель литературы и поэзии, он с упоением декламировал стихи любимых поэтов — Тютчева, Фета. Шутник, он любил писать родным и знакомым шутливые «акафисты». Так, Ольге, окруженной сонмом неизменно отвергавшихся ею воздыхателей, которых профессор называл «претенденты», он написал акафист, в котором, называя ее «скальпоносицей Ольгой», сравнивал ее с княгиней Ольгой, хитростью истребившей древлян[11]. О. Бредиус-Субботина много лет спустя после смерти Овчинникова оставила написанный любящей дочерней рукой портрет: «Он был человеком, целиком зависящим от сердца*. Умный и

* Выделение чертой соответствует выделению в документе.

способный, он был вовсе не от разума. Для всех в высшей степени доступный, всех считавший "прекрасными людьми", действовал он всегда по первому порыву сердца, что нередко ему стоило и разочарований, и неприятностей... Мой отчим был очень честен в своих взглядах, убеждениях, исканиях. И найдя то или иное, открыто и исповедовал. Был прям и часто поэтому резко говорил правду, никогда не желая кого-либо задеть или обидеть»[12].

Слабый здоровьем, профессор А. А. Овчинников внезапно серьезно заболел и скоропостижно скончался 15 сентября 1936 г. на руках жены и приемной дочери[13]. Он был похоронен под сенью деревьев русского православного кладбища в Тегеле. Ольга Бредиус-Субботина вспоминала, что в те дни она была «исчерпана вся горем». В день смерти отчима она получила письмо от голландского друга, потомка знаменитого голландского рода Арнольда Бредиуса ван Ретвельда, предлагавшего ей замужество, и в тот же день решила полностью изменить свою жизнь. На пасху 1937 г. она обручилась с Бредиусом, а в ноябре того же года вышла замуж и переехала в Голландию. В марте 1940 г. в тяжелых условиях Второй мировой войны вслед за ней в Голландию удалось уехать ее матери и брату[14]. Дальнейшая судьба семьи А. А. Овчинникова была связана с Голландией, хотя они и приезжали в Берлин после войны.

Дом Овчинниковых в Тегеле опустел. В 1958 г. умершая вдова Овчинникова была похоронена на православном берлинском кладбище Тегеля рядом с мужем.

Так случилось, что буквально через месяц после письма Г. Ф. Добровольского осенью 2005 г. мне довелось быть в Берлине и заехать на кладбище в Тегеле. Маленький островок России на берлинской земле со всех сторон подвергается наступлению растущей столицы: на севере и юге к кладбищу примыкает индустриальная зона и супермаркет напитков, на востоке оно граничит с оживленным федеральным шоссе Берлин — Гамбург. Но на самом кладбище удивительно тихо, и ничто не тревожит его столетний покой. Был теплый, солнечный октябрьский день, буйная зелень пробивалась из-под уже покрывших землю желтых шуршащих листьев. На небольшом пространстве русского православного кладбища спят вечным сном люди самых разных национальностей: русские и немцы, евреи и татары, грузины, даже «ассирийская принцесса». Среди них — известнейшие люди России, великие князья, министры, дипломаты, ученые, литераторы, художники, композиторы, генералы и офицеры, солдаты, павшие в Первой мировой войне (в 1920 г. им установлен памятник-надгробие в виде креста с двуглавым орлом и надписью «Верным сынам великой России»), советские граждане, угнанные фашистами в Германию. Здесь могилы последнего царского посла в Берлине Свербеева, бывшего военного министра Российской империи В. А. Сухомлинова, министра иностранных дел С. Д. Сазонова, публициста, кадета и отца известного писателя В. Д. Набокова (ценой своей жизни в 1922 г. он спас давнего оппонента в кадетской партии П. Н. Милюкова от пули белого офицера), а также художника Н. П. Богданова-Бельского, действительного статского советника М. О. Эйзенштейна (отец знаменитого кинорежиссера), доктора философии С. Ф. Зейлигера, представителей княжеского рода Голицыных, княжны Мещерской, барона А. Л. Остен-Сакена, княгини М. М. Девлет-Кильдеевой, графа и графини А. И. и А. И. Воронцовых-Дашковых (графиня, урожденная Чавчавадзе, приходилась внучкой княжне Анне Грузинской — внучке последнего грузинского царя Георгия XII), известного колчаковского генерала и убежденного монархиста К. В. Сахарова, родственников барона Врангеля, А. В. Кривошеина (бывшего министра земледелия Российской империи, заместителя генерала П. Н. Врангеля в эмиграции) и многих, многих других.

Уже почти обойдя небольшое кладбище и обнаружив, что многие надгробия не сохранились, а на других практически затерты надписи, я уже почти не надеялась найти могилу казанского ректора и профессора. Предмет моих поисков обнаружился в правой части кладбища, недалеко от могилы работодательницы и последней спутницы казанского профессора И. А. Стратонова Марии Семеновны Кадакас, урожденной Араловой. Под пушистыми ветвями сосны укрылся скромный темно-красный каменный крест с двойной надписью золотом, полустертой от времени и заросшей мхом в нижней части: «Профессор А. А. Ов-

чинников. 19.1.1874 — 15.9.1936. А. А. Овчинникова, ур. Груздева. 2.11.1881 — 15.4.1958».

К сожалению, на надгробии не оказалось фотографии. Мне удалось весьма кратко переговорить со священником кладбища Тегеля отцом Сергием Силлогановым. Отец Сергий рассказал, что документы кладбища изымались дважды — при нацистах и затем оккупационными властями. Значит, остается надежда на то, что в фондах военных ведомств (скорее всего, в России, так как мной получено уже несколько отрицательных ответов на запросы из федеральных архивов ФРГ) хранятся документы, а возможно, и фотографии казанского профессора. Пока же удалось если не поставить точку в описании истории жизни, то хотя бы определить точную дату смерти и найти место захоронения бывшего ректора Казанского университета, профессора А. А. Овчинникова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В характеристике района Тегель и русского кладбища использованы материалы: История русских церквей в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/107hyst.html; Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни (Библиотека «Православная беседа») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=740; Штамов Ю. Последний адрес — Виттештрассе, 37: Русскому кладбищу в Берлине более ста лет // Сегодня. – 2000. – № 210. – 20 сентября; Der Ortsteil Tegel. – Berlin: Jaron Verlag GmbH, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reinickendorf.de/index_5138_de.html; Wolfgang W. Timmler. Unter Moskauer Patriarchat. Der Russisch-Orthodoxe Friedhof in Tegel // Berlin im Detail. – Berlin: Edition Luisenstadt, 1999. – S. 80-83. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.luise-berlin.de/bms/bmstxt99/9909detb.html; Russisch-Orthodoxer Friedhof Tegel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.berlin.de/tourismus/sehenswuerdigkeiten/00205.html и др.
2. Исаков А. П., Исаков Е. П. Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтвержденных документами). В 2-х т. – Казань, 2004. – Т. 1. – С. 480.
3. Там же. – С. 286; Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/5-1929/30. – Казань, 1930. – Т. 2. – С. 313.
4. Малышева С. Ю. Иринарх Стратонов — историк с «философского» парохода // Татарстан. – 1992. – № 7-8. – С. 69-73; Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю. Трагические судьбы. – Казань, 1996. – С. 48-70; и др.
5. Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю. Указ. соч. – С. 48-70; Мирский М. Трошин Г. А. // Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 629-631; Малышева С. Ю., Чугунова Н. С. Трошин Григорий Яковлевич // Казанский университет (1804-2004): Биобиблиографический словарь. Т. 1: 1804-1904. – Казань, 2002. – С. 542-543; Менделевич Д. М., Малышева С. Ю. Слово о профессоре Григории Яковлевиче Трошине // Неврологический вестник. – Казань, 2003. – Т. 35. – Вып. 1-2. – С. 70-75; и др.
6. О нем см.: Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю. Указ. соч. – С. 48-70; Малышева С. Ю., Чугунова Н. С. Овчинников Александр Александрович // Казанский университет (1804-2004): Биобиблиографический словарь. – Т. 1... – С. 370-371; Малышева С. Ю. Александр Александрович Овчинников, 1921-1922 гг. // Ректоры Казанского университета, 1804-2004 гг.: Очерки жизни и деятельности. – Казань, 2004. – С. 225-233.
7. Султанбеков Б. Ф., Малышева С. Ю. Указ. соч. – С. 224-225.
8. Шмелев И. С. и Бредиус-Субботина О. А.: Роман в письмах: В 2-х т. – М., 2003-2004.
9. Там же. – Т. 1. – С. 265.
10. Там же. – С. 266.
11. Там же. – Т. 1. – С. 373, 214; Т. 2. – С. 514.
12. Там же. – Т. 2. – С. 695.
13. Там же. – С. 236.
14. Там же. – Т. 1. – С. 258, 309, 211, 690.

Фото из личного архива автора. Берлин, Тегель, октябрь 2005 г.

Светлана Малышева,
доктор исторических наук